

Сунь Янь, глядя на высокого и крепкого мужчину перед собой, который теперь с покрасневшими глазами смотрел на нее в неверии, сдержанно кивнула: “Да, я решила развестись с тобой”.

Прежде чем Ван Ху успел что-либо сказать, его мать, тетушка Ван, бросилась к Сунь Янь, схватила ее за рукав и, глядя на нее с тревогой, сказала: “Сунь Янь, что с тобой? Почему ты вдруг заговорила об этом? Это из-за того, что вчера Ван Ху ударил тебя? Не обижайся на него, я здесь, чтобы извиниться за него”.

Сунь Янь, глядя на скорбное выражение лица тетушки Ван, тоже чуть не заплакала. С тех пор как она вошла в эту семью, свекровь всегда относилась к ней хорошо.

Если бы не те мысли, которые поселились у нее в сердце, она бы никогда так решительно не покинула этот дом.

После слов тетушки Ван Ван Ху сжал кулаки и, глядя на Сунь Янь, заговорил: “Вчера я был просто взбешен. Если ты не можешь меня простить, можешь ударить меня в ответ. У нас есть сын Дин, ты не можешь поступать так опрометчиво!”

Пока они спорили, неподалеку раздался резкий и язвительный женский голос: “Ну вот, я говорила, что Сунь Янь хочет развестись, а все потому, что вы в семье издеваетесь над ней!”

Это оказалась мать Сунь Янь, старая госпожа Сунь.

Услышав эти слова, тетушка Ван замахала руками и торопливо объяснила: “Вчера это был всего лишь порыв моего сына. Обычно он никогда такого не делает!”

“Ха! Легко тебе говорить! Теперь Сунь Янь вернулась домой, избитая вами, и что, она, по-твоему, врет?” — презрительно бросила госпожа Сунь, скрестив руки на груди.

Она продолжила, глядя на них с высокомерием: “Сегодня моя дочь собирается развестись, и вы либо соглашаетесь, либо нет, но развод все равно состоится. И вдобавок ваша семья обязана вернуть деньги за приданое”.

Обычно госпожа Сунь не стала бы так придирается к своему зятю, которого когда-то считала выгодной партией. Она надеялась, что он разбогатеет и вытащит их семью в люди.

Однако вчера, увидев людей, намного более богатых, чем Ван Ху, она вдруг поняла, насколько он не дотягивает. А когда Сунь Янь вернулась домой с крупной суммой серебра, у госпожи Сунь окончательно пропало желание поддерживать этого зятя. Теперь она лишь желала, чтобы Сунь Янь поскорее развелась и нашла себе кого-то получше.

“Моя дорогая сватья, как ты можешь так говорить? Пусть мой сын и был неправ, но это не

повод для развода!” — в отчаянии произнесла тетушка Ван, глядя на госпожу Сунь.

“В каждой семье муж и жена ссорятся, но мирятся. Мой сын всего один раз ошибся, дай ему еще один шанс. К тому же у них есть ребенок!”

Ван Ху не обратил внимания на слова матери. Он смотрел на свою жену, которая теперь казалась ему незнакомой, и тихо спросил: “Ты действительно решила развестись только из-за того, что я ударил тебя один раз?”

Глаза Сунь Янь покраснели, но, отвечая на вопрос Ван Ху, она крепко сжала платок в руках и твердо произнесла: “Я уже все решила. Эти годы мы просто терпели друг друга, а теперь, поняв, что мы не подходим друг другу, развод — лучший выход”.

В современном обществе нравы стали более свободными, и мужчины с женщинами могли разводиться по обоюдному желанию. Развод больше не вызывал осуждения или пересудов, и никто не мешал людям начать новую жизнь.

Сунь Янь, несмотря на свою прежнюю неуверенность из-за родимого пятна на лице, наконец-то нашла свой путь. Она поняла, что больше не может продолжать жить ради семьи, которая тянет ее назад.

Ван Ху сжал кулаки, глядя на свою жену, которая стояла перед ним, решительная как никогда. Его губы дрожали, и он с трудом произнес: “Хорошо, я послушаю тебя, мы разведемся”.

После этих слов Сунь Янь почувствовала облегчение, но в то же время и некое сожаление.

Тетушка Ван с недоумением смотрела на него, а вот госпожа Сунь, стоявшая рядом, была явно довольна. Она захлопала в ладоши и сказала: “Тогда не забудьте вернуть нам приданое”.

Хотя это и было “приданым”, на самом деле, это была лишь часть тех денег, которые семья Ван дала на свадьбу, предназначенных для личных нужд Сунь Янь. Теперь же госпожа Сунь требовала возврата и это было действительно бессовестно.

Но сейчас, несмотря на все это, ни Ван Ху, ни тетушка Ван уже не были настроены спорить с ней.

Ван Ху смотрел на свою жену, все еще надеясь на что-то, и с последней искоркой надежды спросил: “А что ты будешь делать с Дином после развода?”

“Если возможно, я заберу Дина с собой”, — ответила Сунь Янь, крепко сжав кулак, и посмотрела на Ван Ху, глаза которого были полны слез, а также на тетушку Ван, стоящую рядом и не скрывавшую слез.

Едва она произнесла эти слова, как раздались два резких крика.

“Ты не можешь забрать Дина, это кровь нашей семьи Ван!”

“Сунь Янь, как ты собираешься выйти замуж снова, если забереешь ребенка?”

Первую фразу сказала тетушка Ван, вторую — госпожа Сунь.

Сунь Янь не стала отвечать, просто тихо произнесла: “Недавно я получила деньги, и теперь могу лечить Дина. Если он останется со мной, у нас будет хорошая жизнь”.

“Ты...”

Тетушка Ван, услышав эти слова, сразу же хотела спросить, откуда у нее деньги и что это за деньги, но, вспомнив недавние слухи в городе, она замолкла. Даже не спрашивая, она уже понимала, откуда они взялись.

Эти деньги могли прийти только благодаря предательству Линь Сяоцзю, ведь именно за это она получила деньги.

“Сунь Янь, как ты можешь так поступать?! Это же рецепт Линь Сяоцзю! Ты взяла его рецепт и продала его, а что теперь будет с его магазином?”

Ван Ху, еще не оправившийся от новости о разводе, в который его втянула жена, услышал эти слова и почувствовал недовольство.

Сунь Янь, видя его гнев, услышав его наставления, не удержалась от насмешки.

“Ты всегда такой праведный. Когда ты получаешь деньги, ты всегда помогаешь бедным. Ты заработал хорошую репутацию, но никогда не думал, что болезнь Дина только ухудшается с возрастом. Она требует все больше и больше средств, а я не могу просто стоять и смотреть, как мой ребенок умирает”.

Ван Ху, глядя на свою жену, которая теперь была такой резкой и остроумной, не мог понять, как его мягкая и покорная жена могла стать такой.

Сунь Янь увидела, что Ван Ху молчит, и мягко улыбнулась, продолжив: “Теперь тебе не стоит переживать за болезнь Дина. У меня есть деньги, есть решение, его болезнь скоро будет вылечена. Я развожусь с тобой, и я возьму всю вину на себя, так что тебе не нужно волноваться, что люди начнут тебя осуждать”.

Ван Ху почувствовал неловкость от этих слов. Он медленно опустил голову, сжал кулаки, глубоко вздохнул и, подняв голову, встретился с ней взглядом: “Дин — это кровь моей семьи Ван. Я не могу позволить, чтобы он пошел с тобой, даже если ты его мать”.

Сунь Янь, похоже, уже предсказывала такой исход. Она пришла сюда, чтобы подготовить почву, и не ожидала, что заберет ребенка с первого раза. Когда у нее появятся деньги, она уверена, что Дин не отвернется от нее.

Увидев решимость Ван Ху и тетушки Ван, она кивнула и больше не стала спорить.

“Хорошо, пусть Дин останется с вами. Когда он захочет ко мне, вы можете привезти его. Если сегодня будет свободное время, давайте подпишем документы о разводе!”

“Да, сегодня же подпишем документы о разводе, и верните мне моё приданое!”

После всех этих разговоров Ван Ху понял, что Сунь Янь не только изменилась как человек, но и твёрдо решила на развод.

Ван Ху больше не стал её уговаривать, просто продолжал пристально смотреть на Сунь Янь и медленно ответил: “Хорошо”.

Тетушка Ван, увидев согласие сына, а затем решимость невестки на развод, в отчаянии ударила себя по бедрам и, сидя на земле, громко заплакала: “Боже мой, что это за беда?! Какой я грех на себя взяла!”

#

Дождь, как горошины, падал с неба, капая на карнизы и издавая трескучие звуки.

Линь Сяоцзю, наблюдая за людьми, спешащими под дождём, немного удивился. Последнее время становилось всё холоднее, и это должен был быть период хорошего бизнеса, но почему-то количество клиентов уменьшилось.

Не только Линь Сяоцзю задавался этим вопросом, но и сотрудники магазина, видя всё меньше клиентов, начали беспокоиться. Если так пойдёт и дальше, смогут ли они удержать магазин на плаву?

Они работали здесь не только за высокую зарплату, но и потому что хозяин был очень добрым. Если же продолжится такая ситуация, и никто не будет приходить поесть, они боялись, что магазин не выдержит, и они потеряют свою работу.

Пока все беспокойно занимались своими делами, двое молодых людей в образах студентов, с

зонтом, спешно вошли в магазин Линь Сяоцзю.

Зайдя, они сразу заказали две порции молочного чая, а затем, опытно, начали выбирать горячие блюда.

Один из них, стоя перед прилавком с горячими блюдами и внимательно рассматривая табличку с ценами, колебался какое-то время, потом повернулся к Линь Сяоцзю, который готовился принимать оплату, и спросил: “Хозяин, не могли бы вы немного снизить цены на ваши блюда?”

Линь Сяоцзю поднял глаза и, не совсем понимая, почему он задаёт такой вопрос, всё же, видя его искренность, ответил: “У нас цены на блюда всегда фиксированы, мы не планируем их менять”.

“Нет, я имею в виду, не могли бы вы немного снизить цены?”

Студент заметил, что Линь Сяоцзю неправильно понял его вопрос, и, держа в руках щипцы для еды, постучал ими по корзине, чтобы ещё раз объяснить.

Линь Сяоцзю, услышав его, хотя и не понял, почему он вдруг так спрашивает, всё же вежливо улыбнулся и учтиво ответил: “У нас здесь цены не снижаются, если только не появятся новые блюда”.

Услышав это, студент взглянул на Линь Сяоцзю с немного сложным выражением и, вздохнув, сказал: “Ах, ну тогда, возможно, я не смогу долго есть у вас”.

“Почему?”

Линь Сяоцзю невольно спросил, не ожидая ответа, но тот студент продолжил говорить сам: “Ты знаешь, вон на той улице есть магазин? Они тоже начали делать горячие блюда и маринованные мясные изделия. Вкус точно такой же, как у вас, а цены ещё на одну - две монеты дешевле. Если бы не молочный чай, который есть только у вас, да и мы ваши постоянные клиенты, я бы уже подумал перейти туда”.

Студент сказал это с сожалением.

У Линь Сяоцзю дернулся уголок рта, не зная, что сказать этому клиенту, который совершенно не стеснялся. В конце концов, он лишь выдавил неловкую, но вежливую улыбку.

Клиенты и их спутники поели быстро, и через некоторое время их заказ был почти полностью съеден. Когда дождик немного стих, они взяли свои зонты и ушли.

После того как они ушли, в магазин зашли ещё несколько человек, но до того момента, как Линь Сяоцзю обычно закрывал магазин, он продал лишь треть своих продуктов.

Смотря на прохожих, которые не заходили в его магазин, тётушка Чэнь не смогла больше сдерживаться и подошла к Линь Сяоцзю, обеспокоенно сказала: “Хозяин, может, нам тоже снизить цены?”

Недавно они могли только беспомощно наблюдать за тем, как уменьшается количество клиентов, не понимая, что же происходит. Но сегодня, наконец, узнали причину, и она почувствовала, что им нужно срочно подстроиться!

Линь Сяоцзю, выслушав слова тётушки Чэнь, покачал головой: “Не спешите. Если это правда, как сказал тот клиент, что их вкус похож на наш, я не думаю, что это случайность. Если не случайность, и их цены ниже наших, то это сознательная конкуренция. Если мы снизим цены, они тоже снизят, а что мы тогда будем делать?”

Хотя его магазин приносил некоторую прибыль, он открылся недавно, и за это время прибыли было не так много. К тому же недавно делался ремонт, и часть денег была отдана Шэнь Ляню на фонд мероприятий, так что у Линь Сяоцзю оставалось не так уж много.

Если начинать ценовую войну с другими ресторанами, он не думал, что сможет долго её выдержать.

Тётушка Чэнь, услышав его слова, поняла, что он прав, но всё равно очень волновалась.

Если этот магазин рухнет, где ей потом найти такого хорошего хозяина?

Не только тётушка Чэнь, но и остальные сотрудники магазина думали так же, просто поскольку они работали с Линь Сяоцзю не так долго и считали, что их мнение не имеет большого значения, они могли только молча переживать, не решаясь что-либо сказать.

В то время как все беспокойно думали, что нужно что-то делать, Линь Сяоцзю, держа одну руку на подбородке и глядя в окно, вдруг убрал руку, поднял взгляд и посмотрел на стоящего неподалеку Цзинь Чжу: “Твоя сестра ещё не вернулась?”

Цзинь Чжу, не понимая, почему Линь Сяоцзю вдруг задаёт такой вопрос, всё же быстро кивнул: “Да, она только что отнесла тряпку на кухню помыть, наверное, скоро вернется”.

Линь Сяоцзю заметил, что с тех пор как пришла Цзинь Тао, она каждый день после мытья овощей оставалась помогать в магазине. Она не притворялась трудолюбивой, а действительно была активной, любила работать и общаться с людьми.

Поэтому Линь Сяоцзю ничего не сказал, молча принял её помощь и решил в будущем, когда

она получит постоянную должность, увеличить её зарплату. Ведь осознанный труд гораздо проще, чем неосознанный.

Пока Линь Сяоцзю размышлял, как ему поговорить с той девушкой, Цзинь Тао не только принесла чистую тряпку для уборки, выстиранную до блеска, но и принесла ведёрко с водой, чтобы помыть пол на улице.

Цзинь Чжу, приняв от сестры тряпку, сразу сказал ей несколько слов и подталкивал её к Линь Сяоцзю.

Наверное, из-за того, что Линь Сяоцзю был их работодателем, для неё он был человеком с некоторым авторитетом, поэтому активная и живая Цзинь Тао, увидев его, немного смутилась и даже не осмеливалась смотреть ему в глаза. Она тихо сказала: “Маленький хозяин, вы меня позвали по какому делу?”

Линь Сяоцзю протянул ей кусочек серебра.

Цзинь Тао, увидев деньги, сразу замешкалась.

Затем Линь Сяоцзю спокойно сказал: “Сходи в соседний магазин, купи там порцию жареных овощей и закажи по одному блюду из каждого пункта меню”.

Цзинь Тао, услышав его, сразу поняла, что он хочет, и перестала волноваться. Она взяла деньги и серьезно кивнула: “Маленький хозяин, я поняла”.

Линь Сяоцзю был немного удивлён, что она сразу всё поняла, но, глядя на её решительный вид, когда она выпрямилась и с уверенным шагом направилась к выходу, он не стал ничего говорить.

Линь Сяоцзю наблюдал, как она чуть не споткнулась на ступенях у дверей, затем выпрямилась и выбежала без зонта. Он невольно нахмурился и попросил Цзинь Чжу отнести ей зонт.

Цзинь Тао смущённо приняла зонт, быстро взглянув на него, и поспешно ушла. Линь Сяоцзю с сожалением покачал головой — она всё ещё слишком молода и порой не может сдерживать эмоции.

Цзинь Тао была очень быстра и эффективна, и через полчаса она уже вернулась с заказанными блюдами, как просил Линь Сяоцзю.

Он не стал скупиться, приказав всем в магазине взять тарелки и вместе попробовать, отличается ли вкус от того, что они готовят у себя в ресторане.

Тётя Чэнь первой отложила тарелку с чашкой, посмотрела на Линь Сяоцзю с выражением боли на лице и сказала: “Хозяин, этот вкус точно такой же, как у нас в магазине”.

Остальные тоже поспешно кивнули и добавили: “Да, хозяин, мы тоже попробовали, и вкус такой же, как у нас”.

“Что это вообще происходит? Почему еда в их магазине так же вкусна, как у нас? Разве у них тоже есть такой же рецепт?” — с недоумением спросила Цзинь Тао.

После её вопроса, выражения лиц всех присутствующих изменились, некоторые даже сжали кулаки, явно зная, кто раскрыл рецепт.

Цзинь Чжу схватил сестру за руку, пытаясь остановить её.

Цзинь Тао хоть и не совсем понимала, что произошло, но заметила, что все вокруг выглядят напряжёнными. Поняв, что, возможно, сказала что-то не то, она замолчала.

После того, как все молчали, они все посмотрели на Линь Сяоцзю. Он спокойно отложил тарелку и чашку, на его лице не было явного беспокойства. Он тихо вздохнул и сказал: “Их вкус действительно точно такой же, как у нас”.

Поскольку вкус в их магазине совпал с тем, что готовили в ресторане Линь Сяоцзю, он был уверен, что рецепт был раскрыт, и, скорее всего, это сделала Сунь Янь.

Не зная, почему, Линь Сяоцзю не был особенно зол, скорее даже вздохнул с сожалением, что оказался в ситуации, когда столкнулся с “неблагодарной душой”.

Он долго вздохнул, посмотрел на всех вокруг и сказал: “Сегодня нам придётся потрудиться. Давайте подольше поработаем и постараемся продать все блюда, прежде чем закрывать магазин”.

Услышав такие слова от Линь Сяоцзю, все окружившие его сразу ответили: “Хозяин, вы слишком много говорите, нам не трудно, это наша работа!”

В окружении постоянных лестных слов, тетя Чэнь посмотрела на Линь Сяоцзю и осторожно спросила: “Так, хозяин, нам стоит немного снизить цену?”

Линь Сяоцзю осмотрелся по магазину, его взгляд мельком прошел по чистым овощам, и он снова покачал головой:

“Нет, не стоит. Если придут постоянные клиенты, то сделаем скидку: если сумма заказа будет от десяти, то минус два, от двадцати — минус пять, от тридцати — минус семь. Лучше

постараемся продать все эти продукты сегодня”.

“Хорошо, мы поняли”.

Хотя все еще были недовольны тем, что рецепт был раскрыт, и возмущались из-за предателя, когда Линь Сяоцзю дал указания, они не стали бездействовать и сразу же принялись за работу.

Линь Сяоцзю полусогнулся, оперся на подбородок и смотрел на работающих людей, задумавшись. Он не ожидал, что его изначально запланированный для более позднего времени мясной суп из баранины придется готовить уже сейчас.

Однако, если подумать, продажа баранины в виде горячего блюда будет более выгодной, так как она дороже и готовится проще, чем другие блюда.

Поняв это, Линь Сяоцзю успокоился. Все равно рано или поздно придется менять меню. Однако, зная, что его рецепт был украден, он решительно решил найти способ отомстить.

#

Когда Шэнь Лянь вернулся, он увидел, как Линь Сяоцзю держит угольный карандаш и что-то записывает в его блокноте. Почерк был такой неразборчивый, что он даже не мог понять, что именно Линь Сяоцзю написал.

Когда Линь Сяоцзю заметил, что он вернулся, он повернулся и посмотрел на него, а затем снова опустил взгляд, продолжив писать. Шэнь Лянь приподнял брови и отменил намерение сначала переодеться.

Он подошел к Линь Сяоцзю сзади, наклонился, обнял его и поцеловал в ухо и в щеку. Затем, заметив немного неловкий взгляд Линь Сяоцзю, тихо спросил: “Что ты пишешь?”

Линь Сяоцзю почувствовал неловкость. Он не мог рассказать Шэнь Ляню, что он записывал “метод для мести”. Он спрятал свои записи под руку, не желая, чтобы тот увидел, что на них написано.

“Ничего особенного, просто записываю кое-что неважное, так, для себя”.

Шэнь Лянь пристально смотрел на несколько смущенного Линь Сяоцзю и не стал раскрывать его ложь. Он заметил, что когда Линь Сяоцзю лжет, его лицо краснеет сначала от шеи, потом щеки, а затем даже уши становятся красными.

Смотря на эти розовые, слегка покрасневшие ушки, Шэнь Лянь почувствовал импульс поцеловать их.

Он так подумал и, не сдержавшись, последовал своему желанию.

Когда Линь Сяоцзю вскрикнул от боли и даже попытался оттолкнуть его, Шэнь Лянь наконец осознал, что он только что сделал.

“Извини, я не хотел, я просто не смог удержаться”.

Шэнь Лянь посмотрел на Линь Сяоцзю с виноватым видом, его красивое лицо выражало полное невинное удивление, как будто не он, а Линь Сяоцзю ошибся, думая, что его укусил именно Шэнь Лянь.

Однако Линь Сяоцзю ощущал влажность на своем ухе и лёгкую боль от укуса, что напоминало ему, что это не было иллюзией.

Линь Сяоцзю сердито взглянул на Шэнь Ляня и мысленно пожаловался, он чувствовал, что Шэнь Лянь всё больше напоминает собаку: не только любит кусать людей, но и постоянно липнет к нему, даже больше, чем Сылан и остальные.

Но, глядя на Шэнь Ляня, который казался таким изысканным, Линь Сяоцзю начинал сомневаться, что этот человек мог бы совершить нечто подобное. Это казалось странным.

Увидев, как взгляд Линь Сяоцзю становится всё более недовольным, Шэнь Лянь быстро сменил тему и напрямую спросил: “Сегодня случилось что-то неприятное?”

Услышав этот вопрос, Линь Сяоцзю сразу отвернулся, опустил голову и посмотрел на свой блокнот. Он заметил, что крышка была надёжно закрыта, и внутри не было ни малейших следов. С облегчением выдохнув, он заулыбался и запинаясь ответил: “Нет, почему ты так спрашиваешь?”

Шэнь Лянь, видя, что Линь Сяоцзю пытается скрыть что-то, не стал настаивать на ответах, ведь его цель была всего лишь сменить тему. Он верил, что Линь Сяоцзю сам расскажет, когда будет готов, ему оставалось только немного подождать и проявить терпение.

Но, глядя на Линь Сяоцзю, который явно что-то скрывает, Шэнь Лянь вздохнул и с грустью произнес: “Ах, наш маленький Сяоцзю подросток, теперь у него есть свои секреты”.

Шэнь Лянь смотрел на покрасневшее лицо Линь Сяоцзю, затем на его взгляд, опустившийся от смеха, и вдруг снова тихо прошептал ему на ухо: “Да, Сяоцзю уже взрослый, я это знаю лучше всех”.

Линь Сяоцзю, услышав эти двусмысленные слова от Шэнь Ляня, сразу вспомнил сцены, которые нельзя описать, и его голова чуть не закипела.

Он не знал, как дальше вести себя с Шэнь Лянем, повернулся и, не совсем разумно, оттолкнул его, крича: “Ты не знаешь, чем пахнешь, какой-то неприятный запах! Иди, принимай душ, а потом поговорим”.

Шэнь Лянь, увидев, как Линь Сяоцзю весь покраснел от его шалостей, не сдержал улыбки, слегка отступил, следуя за его жестом и отойдя подальше. “Хорошо, я пойду в душ”.

Линь Сяоцзю, глядя на уверенную спину Шэнь Ляня, вздохнул с облегчением, но всё ещё не мог понять, почему тот, за пределами их общения, всегда был таким утончённым джентльменом, а перед ним становился настоящим беззастенчивым человеком.

Отвёл взгляд от уходящей спины Шэнь Ляня и снова посмотрел на свой блокнот, где были записаны подробности о том, как хозяин конкурент соблазнял его сотрудников, чтобы те украли его рецепты, а также как он будет мстить за это.

Однако Линь Сяоцзю подумал, что эти планы всё ещё слишком наивные. Он решил усовершенствовать их позже, когда будет уверен в их безупречности, и тогда уже действовать.

Когда Шэнь Лянь вышел из ванной, Линь Сяоцзю уже не был на своём месте.

Шэнь Лянь задумался, а затем пошёл на кухню. Подойдя к двери, он увидел троих маленьких животных, которые, не имея возможности войти, лежали у порога, слюнявя его.

Шэнь Лянь, увидев это забавное зрелище, вдруг подумал, что если у него и Линь Сяоцзю будут дети, они, наверное, тоже будут лежать там, как эти животные.

Подумав об этом, на его губах появилось мягкое и тёплое выражение. Он шагнул в кухню и, обняв Линь Сяоцзю сзади, почти слышно прошептал: “К счастью, ты пришёл”.

<http://bllate.org/book/15132/1337429>